

ББК 60.543.132.1+60.23

Д. Г. Смирнов

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА НООСФЕРНОЙ (ГЛОБАЛЬНОЙ) ИСТОРИИ

Современный интеллигентоведческий дискурс содержательно разнообразен. Количественный и качественный анализ публикаций, посвященных феномену интеллигенции, показывает, что в исследовательском пространстве уживаются две дополняющие друг друга тенденции как в модели «часть — целое». *Первый тренд* — его можно условно назвать дискретным — во главу угла ставит задачу изучать феномен «по отдельности, и даже по личностям с разных сторон»¹, где критериями проблематизации интеллигенции становятся преимущественно темпоральные и топологические признаки, научная ориентация (область знания) исследователя. В целом отмечается тот факт, что «для изучения феномена современной российской интеллигенции с исторической точки зрения время еще не наступило»². Это, в свою очередь, может быть обусловлено «кризисом самоидентификации интеллигенции» в условиях российского системного кризиса³.

Второй тренд — который можно обозначить как континуальный — претендует на «симультанность» схватывания феномена интеллигенции, что характерно, прежде всего, для философского склада мышления. На этом исследовательском маршруте,

---

© Смирнов Д. Г., 2015

Смирнов Дмитрий Григорьевич — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Ивановского государственного университета. dissovet_212@mail.ru

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00833.

представленном на страницах журнала «Интеллигенция и мир», уже можно увидеть определенный прогресс⁴. Отправной точкой настоящей статьи выступает тезис С. М. Усманова о том, что «типологические черты русской интеллигенции — это в значительной степени сущностные основы интеллигенции как таковой»⁵, а также предложенная им дефиниция интеллигенции как нового социального слоя «автономных интеллектуалов, имеющих особый моральный комплекс служения идеалу»⁶. Содержательно материал статьи продолжает традицию проблематизации феномена интеллигенции в русле ноосферного подхода⁷.

История как «вещь-в-себе» и «вещь-для-нас»

Современное информационное общество с его «потокowym» on-line сознанием сделало ставку на визуализированную форму истории, внешнюю историю «здесь и сейчас», которая предполагает всё большее дистанцирование познающего субъекта от реальности. Когнитология XXI века убедительно демонстрирует различие между личностным знанием и информацией (как деперсонализированным знанием), между живой памятью и памятью мертвой.

Разнообразные рефлексии настоящего (геополитические, экономические, экологические, правовые и пр.) являются ответом как раз на внешнюю форму истории как «вещи-для-нас», простой для восприятия и анализа. Вместе с тем, как показывает глобальная и региональная практика философии истории последних десятилетий, история была и остается во многом метаисторией, своего рода «вещью-в-себе». Ее познание лежит в области знакового, семиотического, а не только фактологического и исторического. На это в свое время справедливо указал еще Г. Г. Шпет, говоря, что «историческое познание никогда не является познанием чувственным или рассудочным, или познанием внешнего или внутреннего опыта, а всегда есть познание, предполагающее уразумение и интерпретацию как средство уразумения. Такого рода познание можно условиться называть семиотическим познанием»⁸.

Если посмотреть на проблему постижения истории с философской точки зрения, то окажется, что пути познания истории в большинстве своем связаны с акцентуацией вещно-предметного мышления, выражающегося в ощущении и восприятии событийной

фактуры исторического процесса. Перед нами уже не преимущественно внешнее представление, а понимание, но понимание первого уровня глубины. Подобное (предметно-фактологическое) отношение к истории во многом носит «мифо-детский» характер, что свидетельствует не столько о неправильности или «простоте» представления об истории, сколько говорит о том, что такая «внешняя история» не учитывает глубинных внутренних существенных связей явлений и событий исторического процесса.

Тело и разум Клио

Рассмотрение внутренней формы исторического процесса органично присуще, прежде всего, религиозному миропониманию. Синтез религиозного, философского, научного и художественного измерений понимания мира, ставший главной проблемой философских поисков в конце XIX — начале XX века, дал возможность обнаружить прямые коннотации между религиозным и философским, религиозным и научным как в философии в целом, так и в философии истории в частности.

Л. А. Тихомиров убедительно показывает, что сверх «почвы материального процесса природы» имеет место сфера «нашей сознательной и волящей жизни». Последняя «внедрена в сферу материальных условий, но не сливается с ними, постоянно борется с ними, весьма часто побеждает их, и во всяком случае — только она и составляет то, что мы чувствуем *нашей* жизнью и *жизнью человечества*. Сфера материальных условий есть нечто внешнее нам, хотя и облекающее нас. Она имеет для нас свою историю, но лишь постольку, поскольку наша внутренняя сфера дает ей направление. Она по внешности владеет нами, но по нашим желаниям и целям составляет только материал для нашей деятельности»⁹.

Исследование интеллигенции предполагает анализ «борьбы» теории количественного представления вещей с концепцией их качественного понимания. Противопоставленность подходов не абсолютна, наоборот, она утверждает дополнительность: к телу истории наблюдатель добавляет ее разум, что призвано обеспечить комплексность методологии.

Ситуация нарастания глобальных катастроф, в которой сейчас оказался мир, как ни парадоксально, имеет исторический

смысл¹⁰. В работе «Смысл истории» Н. А. Бердяев говорит о том, что «катастрофические моменты истории особенно благоприятны для построения философии истории», имея в виду «такие катастрофы духа человеческого, когда он, пережив крушение известного жизненного исторического строя и лада, пережив момент расщепления и раздвоения, может сопоставить и противопоставить эти два момента — момент непосредственного пребывания в историческом и момент расщепленности с ним, чтобы перейти в третье состояние духа, которое дает особенную остроту сознания, особенную способность к рефлексии, и, вместе с тем, в нем совершается особенное обращение духа человеческого к тайнам “исторического”»¹¹. Именно это, по мнению автора, позволяет вернуться к «внутреннему смыслу жизни», к «внутренней душе истории», которая, в свою очередь, становится основой построения настоящей организмической философии истории.

От внутренней формы слова к внутренней форме истории

Традиция представлений о внутренней форме слова от В. Баумгартена до Г. Г. Шпета позволяет увидеть за логикой развития языка и знака внутреннюю форму истории. В этом контексте появляется возможность переосмыслить философию истории в целом и в рамках творчества каждого из философов, занимающихся проблемами клиософии.

Г. Г. Шпет одним из первых сформулировал методологию сопряжения исторического и семиотического дискурсов¹², объединенных феноменом языка: «язык и дух идут вперед не друг за другом и не обособленно от друга, но составляют безусловно и нераздельно одно действие интеллектуальной способности»¹³. Подобная постановка проблемы фиксируется в исследованиях целого ряда авторов — М. Вендитти, А. П. Люсого, Л. А. Микешиной, Б. И. Пружинина, В. В. Янцена¹⁴.

В свою очередь, размышления о внутренней форме слова у Г. Г. Шпета связаны с философией А. Марти и В. Дильтея. В творчестве А. Марти центральное место в интересующем нас аспекте занимает семасиология (или семантика) — учение об основных функциях языкового выражения. Язык, по А. Марти, — это «функциональная телеологическая система знаков, цель которой — интересубъективное сообщение»¹⁵. Соответственно,

внутренняя форма — это «то в средствах выражения <...> что переживается “внутренне”» и «опосредует» процесс понимания: «внутренняя форма дает не понимание, а его “преддверие”...»¹⁶. При этом исследователь выделяет два типа внутренней формы: фигуральную, которая не есть смысл, и конструктивную, которая «связана непосредственно не с выражением, но с его интенциональными конструкциями, благодаря которым становится понятен его смысл»¹⁷.

В «психологической» философии В. Дильтея Г. Г. Шпет видит тенденцию движения от внешнего к внутреннему (на что обращает внимание М. К. Гидини), ибо герменевтика превосходит психологическую сферу: «чтобы проникнуть в самые сокровенные тайники, до которых интроспекция не доходит, хотя бы потому, что она не выразима, если не объективируется в системе знаков»¹⁸. Возможно в силу этого, для него в отношении слова существеннее оказывается значение, а не наименование, и именно поэтому он выделяет знаки-«значки» и знаки-«признаки».

Г. Г. Шпет, отталкиваясь от гуссерлевской феноменологии, отправную точку своей семиотики видит в признании знаковой природы всякой сигнификации, которая дана через внутренние формы: именно они и определяют отношение знака и смысла. «Внутренние формы <...> присущи знаку не в его качестве, а в его качестве средства»¹⁹. Главный признак внутренней формы, по Г. Г. Шпету, — это «посредничество в понимании», в силу чего история превращается в процесс «вечной объективации духа», в котором «материальность недостижима в своей чистоте и, во всяком случае, второстепенна, потому что первой сферой нашего понимания неизбежно является культурная и социальная среда, через которую мы воспринимаем и эмпирическую данность»²⁰.

Организмическо-энергичное представление о внешней форме и внутренней форме обнаруживает себя в творчестве П. А. Флоренского. «Внешняя форма, — пишет он, — есть тот неизменный, общеобязательный, твердый состав, которым держится всё слово; ее можно уподобить телу организма. Напротив, внутреннюю форму <...> естественно сравнить с душою этого тела, бессильно замкнутой в самое себя, покуда у нее нет органа проявления. Если о внешней форме можно, хотя бы и приблизительно точно, говорить как <...> о неизменной, то внутреннюю

форму правильно понимать как постоянно рождающуюся... Процесс речи есть присоединение говорящего к надьиндивидуальному, соборному единству, взаимопроращение энергии индивидуального духа и духа народного, общечеловеческого разума. И поэтому в слове, как встрече двух энергий, необходимо есть форма и той и другой. Внешняя форма служит общему разуму, а внутренняя — индивидуальному»²¹. Диалектика взаимодействия внешней и внутренней форм раскрывается здесь как раз через действие общего разума и разума индивидуального, задавая формы перетекания глобального в локальное и локального в глобальное. Внутренняя форма переходит во внешнюю в результате «инкарнации» индивидуально-го разума в общественный разум, и наоборот.

Анализируя внутреннюю форму «Философии общего дела» Н. Ф. Федорова, Т. Б. Кудряшова замечает, что «концепт Внутренней формы позволяет рассматривать с единой позиции (объединяющей онтологический, гносеологический, аксиологический, праксеологический, этический, эстетический и др. подходы) языки обыденности, религии, науки, искусства, мистики и т. д.»²². В. Н. Демин переносит теорию внутренней формы (внутренней формы слова) в биосферно-ноосферный контекст, несколько видоизменяя ее. Он показывает, что «с космической (онтологической) и космической (гносеологической) точек зрения, человек и любой другой организм или объект, будучи окружен со всех сторон так называемой внешней средой, находится *внутри* нее и образует с ней типичное *внутреннее* отношение»²³. Это внутреннее отношение в терминах системного подхода превращается во внутреннюю структуру, что сопоставимо с внутренней формой истории.

Проведенный анализ представлений о внутренней форме убеждает в том, что внутренняя форма слова, как квинтэссенция внутренней формы языка, как, в свою очередь, способа бытия истории, задает контекст внутренней формы истории, то есть может рассматриваться в качестве такой семиотической организованности, которая на всех системных уровнях обеспечивает понимание исторической действительности как ноосферной реальности²⁴.

В таком ракурсе обнаруживается соотносительность интеллигенции (в широком смысле слова) как духовной субстанции, как общего и интеллигенции в узком социологическом смысле слова, с одной стороны, и моделями внутренней и внешней формы

истории — с другой: сложность понимания истории из сферы взаимодействия материального и духовного переносится в область диалектики внешней и внутренней форм. Именно в этом сознаниевом и знаковом образовательном пространстве, судя по всему, скрываются самые сложные репрезентации ноосферной истории.

Внутренняя форма истории в интеллигентоведческом дискурсе

Внутренняя форма истории может быть представлена через систему различных интерпретаторов. Семиотический — один из самых эффективных. Представление о семиологической функции²⁵ (в философском, а не только психологическом ключе) дает возможность очертить ядро внутренней формы истории, что, в свою очередь, позволит подойти к более сложной проблеме — рассмотрению внутренней формы истории в контексте идеального, через концепт «информация» (т.е. выявить эйдосно-сознаниевое содержание внутренней формы истории). Интеллигенция (в ее субстратном понимании) как раз и является «гностиком» внутренней формы истории.

Сущность интеллигенции задается единством трех смыслов, раскрывающих методологическую ценность системного подхода: интеллигенция как концепт системы истории, то есть ее системообразующее свойство (*интеллигибельность*); интеллигенция как системообразующее отношение в системе истории (*интеллигентность*); и, наконец, интеллигенция как субстрат истории, то есть ее элементарная составляющая (*интеллигенция*), иными словами, носитель системообразующего свойства и генератор системообразующего отношения.

Рассмотрение интеллигенции в рамках универсумно-ноосферного и системно-синергетического подходов широко представлено в работах Г. С. Смирнова²⁶, который видит основную задачу мировой интеллигенции в «обеспечении устойчивых форм *внутреннего* (сознаниевого) и *внешнего* (космопланетарного) *миропостроения*»²⁷. Анализ этих исследований подталкивает к выводу о внесистемном статусе интеллигенции, который задается концептом развития того или иного конкретного общества.

Обращение к интеллигентоведческой проблематике, ориентирующейся на мысленное восхождение от субстратного

к концептуальному уровню, может ввести в заблуждение, вызываемое несоответствием эмпирического и постулируемого. На самом деле этот когнитивный диссонанс порождается самим исходным положением размышления — семиотическая действительность есть репрезентация ноосферной реальности²⁸, что не только допускает, но и утверждает «диахронность» сущного и должного.

Для нашего дискурса существенно важен именно концептуально-структурный срез системного анализа интеллигенции, когда исследовательский акцент переносится с непосредственно субстрата на то отношение и свойство, носителем которых он является. Содержательный аспект семиологической функции может быть определен следующим образом: кто, что и как интерпретирует, трактует, т. е. рассматривает в качестве знаков Универсума. Переход с «уровня выражения» на «уровень содержания» (по аналогии с категориями общей семиотики — «планом выражения» и «планом содержания», служащими для раскрытия смысла семиозиса) следует понимать в качестве одного из существенных проявлений современной семиотической революции в науке и социальной практике.

Гносеологическое отношение человека к миру на социальном субстрате реализуется в разных формах, реальное выражение которых, в свою очередь, задается индивидуальным и общественным концептом конкретно-исторического бытия. Поэтому отношение интеллигентности, ядром которого является семиологический императивизм (устанавливающий соответствие знака своей семиотической среде), реализуется разноуровнево — на уровнях отражательной, семиотической и семиологической (объемлющей все предшествующие) функций²⁹.

Переходя от анализа системообразующего (гносеологического) отношения к разговору о системообразующем свойстве, онтологическом в философском смысле, следует предварительно раскрыть значение термина «интеллигибельность». Генерализирующая идея здесь такова: интеллигибельность являет собой свойство, «дезактивирующее» (в интеллектуальном плане) инстинкт самосохранения человека и, в силу этого, позволяющее шагнуть за «пределы» системы мира, опровергая, тем самым, гуманитарный инвариант теоремы Геделя о неполноте. Г. Бейтсон показывает, что людям бывает очень трудно увидеть очевидное в силу того,

«что люди — это самокорректирующиеся системы. Они самокорректируются против беспокойства, и если это “очевидное” не таково, что его можно легко ассимилировать без внутреннего беспокойства, то их механизмы самокоррекции срабатывают так, чтобы отодвинуть, спрятать, а если необходимо, то и закрыть глаза или отключить другие звенья процесса восприятия. Беспокоящая информация может быть окружена фреймом, после чего она уже не причиняет беспокойства. Всё это делается в соответствии с представлением самой системы о том, что есть неудобство»³⁰.

Очевидно, если у сознания отсутствует информация о природе человека и окружающей среды, или информация искажена, или неправильно выбрана, то тогда, весьма вероятно, что сознание станет генерировать метабеспорядочную последовательность событий. Эта беспорядочность определяется нами как внешняя форма истории. Историческая результирующая этого двойка. С одной стороны, заикленность на внешней беспорядочности и несвязности событий и фактов порождает феномен исторического агностицизма, который предполагает отрицание постижимости истории, исторических закономерностей, принятие либо фаталистической позиции либо точки зрения радикального индетерминизма. С другой стороны, подобная гносеологическая ситуация провоцирует интеллигенцию пожертвовать собой в плане преодоления (отключения) рефлекса самокоррекции, что даст возможность, несмотря на беспокойство, которое она причиняет, увидеть реальность за сферой материальных условий. В действительности, интеллигенция потому и интеллигенция, что она заставляет себя преодолеть синдром «страуса, прячущего голову в песок». В этом преодолении инстинкта самосохранения в значительной степени заключается смысл «психологической перегрузки (перегрева)», характерного, порой, для ее некоторых представителей.

Вместо заключения

Архитектурные сооружения мирового духа и коллективного разума лишь в некоторой части оказываются достоянием современного общественного сознания. К сожалению, из всего богатства мировой духовной жизни, в значительной мере сконцентрированной в формах мировой интеллигенции, остается

зафиксированной лишь небольшая ее часть. Даже воспоминания представляют собой тысячную часть от реального виртуального экзистенцирования жизни человека. Эта пропорция в определенной мере выражает соотношение между внешней и внутренней формами большой интеллектуальной истории, которую может быть и следовало назвать ноосферной историей. Для мировой глобальной истории всегда характерно наличие внешних, видимых, «надводных» форм и внутренних, невидимых, «подводных» форм, которые дополняют друг друга в реальном историческом процессе.

Внутренняя форма истории в первом приближении — это глубинные, сущностные качества космопланетарного эволюционно-исторического процесса, невыразимого, если он не объективируется в системе знаков. Она выступает в качестве своеобразного «портала», фиксирующего и удерживающего семиотическую связь исторической действительности и ноосферной реальности.

Примечания

- ¹ *Ершова Э. Б.* Современные исследования о российской интеллигенции XX—XXI веков // *Интеллигенция и мир.* 2014. № 2. С. 53.
- ² *Сибиряков И. В.* Современная российская интеллигенция: преждевременный разговор // *Интеллигенция и мир.* 2013. № 2. С. 79.
- ³ *Данилов А. А., Корнев С. А.* Проблема самоидентификации интеллигенции в условиях кризиса // *Интеллигенция и мир.* 2013. № 3. С. 12.
- ⁴ См.: *Ишимская Е. В.* Субстанциональные основания современного дискурса интеллигенции // *Интеллигенция и мир.* 2011. № 3. С. 141—155; *Ковалева С. В.* Формирование интеллигентности: онтологический аспект // Там же. № 4. С. 59—76; *Руди А. Ш.* Роль научной интеллигенции в теоретическом моделировании мира // Там же. 2014. № 4. С. 87—103; *Шимельфениг О. В., Солодовниченко Л. Я.* Роль мировоззренческих парадигм интеллигенции в ситуации глобального кризиса // Там же. 2012. № 2. С. 62—78.
- ⁵ *Усманов С. М.* Интеллигенция и интеллектуалы в современном мире: дискуссии о проблемах и тенденциях самоопределения // *Интеллигенция и мир.* 2014. № 4. С. 29.
- ⁶ Там же.
- ⁷ См., напр.: *Жульков М. В.* Коллективный разум интеллигенции и ноосферное развитие // *Интеллигенция и мир.* 2009. № 3. С. 114—130;

- Меликян М. А.* Интеллигенция как ноосферный герой истории // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. Вып. 2. С. 48—54 ; *Смирнов Г. С.* Мировая интеллигенция и ноосфера // Интеллигенция и мир. 2001. № 1. С. 69—79 ; *Смирнов Г. С.* Новая молодая российская интеллигенция: философские проблемы ноосферной экологии, антропологии и персонологии XXI века // Там же. 2008. № 3. С. 60—70 ; № 4. С. 61—78 ; *Смирнов Д. Г.* Интеллигенция: семиологическая функция (к постановке проблемы) // Там же. № 3. С. 13—26.
- ⁸ Цит. по: *Почепцов Г. Г.* Русская семиотика : идеи и методы, персоналии, история. М. ; Киев, 2001. С. 215.
- ⁹ *Тихомиров Л. А.* Религиозно-философские основы истории / сост., предисл. и примеч. М. Б. Смолина. М., 2004. С. 25.
- ¹⁰ *Смирнов Г. С.* Ноосфера в век глобальных катастроф // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 2. С. 74—91.
- ¹¹ *Бердяев Н. А.* Смысл истории. М., 1990. С. 6.
- ¹² *Шпет Г. Г.* Внутренняя форма слова : этюды и вариации на тему Гумбольдта. Иваново, 1999 ; *Шпет Г. Г.* История как проблема логики : критические и методологические исследования. М., 2011.
- ¹³ *Шпет Г. Г.* Внутренняя форма слова // Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова : этюды и вариации на тему Гумбольдта. С. 11.
- ¹⁴ См.: *Вендитти М.* Внутренняя форма слова у Г. Шпета и у А. Марти // Густав Шпет и его философское наследие : у истоков семиотики и структурализма : коллектив. моногр. М., 2010. С. 266—273 ; *Люсый А. П.* От логики истории к ее жанрам // Там же. С. 433—439 ; *Микешина Л. А.* Логика как условие и основание научной строгости исторического знания : (письмо Г. Г. Шпета Д. М. Петрушевскому 16 апреля — 6 мая 1928) // Там же. С. 28—56 ; *Пружинин Б. И.* Семиотическая перспектива методологии гуманитарных наук Густава Шпета // Там же. С. 56—65 ; *Янцен В. В.* Историческая концепция «Очерка развития русской философии» Г. Г. Шпета в письме Ф. А. Степуна к А. Л. Бему (1944) // Там же. С. 486—496.
- ¹⁵ См.: *Вендитти М.* Указ. соч. С. 268.
- ¹⁶ Там же. С. 269.
- ¹⁷ Там же. С. 270.
- ¹⁸ *Шпет Г. Г.* Герменевтика и ее проблемы // Шпет Г. Г. Мысль и слово : избр. тр. М., 2005. С. 382—396.
- ¹⁹ *Шпет Г. Г.* Язык и смысл // Там же. С. 564—565.

- ²⁰ См.: *Гидини М. К.* Три выпуска философского отдела ГАНХ : вариации на тему внутренней формы // Густав Шпет и его философское наследие. С. 255.
- ²¹ *Флоренский П. А.* Сочинения : в 4 т. М., 1999. Т. 3 (1). С. 213—214.
- ²² *Кудряшова Т. В.* О внутренней форме «Философии общего дела» // «Служитель духа вечной памяти» : Николай Федорович Федоров : (к 180-летию со дня рождения) : сб. науч. ст. : в 2 ч. М., 2010. Ч. 1. С. 407.
- ²³ *Демин В. Н.* Тайны биосферы и ноосферы. М., 2001. С. 114—115.
- ²⁴ *Смирнов Г. С.* Ноосферное сознание и ноосферная реальность : философские проблемы ноосферного универсума. Иваново, 1998.
- ²⁵ *Смирнов Д. Г.* Интеллигенция: семиологическая функция (к постановке проблемы).
- ²⁶ *Смирнов Г. С.* Ноосферная история человечества: философско-методологические проблемы эволюции интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2006. № 1. С. 3—21 ; *Смирнов Г. С.* Ноосферная история человечества: философско-методологические проблемы эволюции интеллигенции (продолжение) // Интеллигенция и мир. 2006. № 2. С. 4—28. См. также: *Смирнов Г. С.* Интеллигенция и ноосфера : философско-культурологические проблемы интеллигентоведения. Иваново, 2007 ; *Смирнов Г. С.* Народная интеллигенция и власть: философия социального советования и общественной синергии // Интеллигенция: вопросы теории и методологии : коллектив. моногр. / под ред. В. С. Меметова. Иваново, 2010. С. 270—321 ; *Смирнов Г. С.* Российская интеллигенция и ноосферное миропостроение // Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности : коллектив. моногр. / отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов. Иваново, 2014. С. 59—86.
- ²⁷ *Смирнов Г. С.* Интеллигенция и ноосфера : философско-культурологические проблемы интеллигентоведения. С. 113.
- ²⁸ *Смирнов Д. Г.* Семиософия ноосферного универсума : ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе. Иваново, 2008.
- ²⁹ *Смирнов Д. Г.* Интеллигенция: семиологическая функция (к постановке проблемы).
- ³⁰ *Бейтсон Г.* Экология разума : избр. ст. по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М., 2000. С. 394.